

Коротаева Екатерина Анатольевна

ORCID: 0000-0003-4558-5973

SPIN-код: 9419-2935

e-mail: soroka-katya90@yandex.ru

Аспирантка кафедры этномузыкологии Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

190000, Санкт-Петербург, ул. Глинки, 2

Ekaterina A. Korotaeva

ORCID: 0000-0003-4558-5973

SPIN-code: 9419-2935

e-mail: soroka-katya90@yandex.ru

Postgraduate student at the Saint Petersburg Rimsky-Korsakov State Conservatory, Ethnomusicology department.

2 Glinki str., 190000 St. Petersburg, Russia

*Удмуртские бортнические заклинания
напевно-декламационной формы
в экспедиционных записях
1937 года*

В Фонограммархиве Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН хранятся фонографические записи 1937 года, среди которых были выявлены уникальные образцы бортнического фольклора. В данной работе на основе документальных материалов раскрыты поэтические и музыкально-стилевые особенности удмуртских бортнических заклинаний напевно-декламационного характера.

Ключевые слова: *бортнический фольклор, удмуртов, бортнические песни, бортнические заклинания, Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом), Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, В. А. Пчельников.*

УДК 784.5

ББК 85.314

*Udmurt Beekeepers' Invocations
in Declamatory and Melodious
Form Presented in Fieldwork
Recordings of 1937*

Many phonographic records from 1937 are kept in the phonographic library of the Institute of Russian Literature (*Pushkinskij Dom*); among their number several exemplary records of beekeepers' folk music have been highlighted. In this work, based on documental materials, examined are poetic traits and musical style of the Udmurt Beekeepers incantations.

Keywords: *Udmurt beekeepers' songs, beekeepers' incantations, Records Archive at the Institute of Russian Literature (The Pushkin House), E. Gippius, Z. Eval'd, V. Pchel'nikov.*

Екатерина Коротаева

Удмуртские бортнические заклинания напевно-декламационной формы в экспедиционных записях 1937 года

В 1937 году Фольклорная секция Института антропологии, археологии и этнографии Академии наук СССР направила в Удмуртскую АССР две фольклорные экспедиции, участниками первой были композитор Я. А. Эшпай и поэт, писатель М. П. Петров. Во второй работал сотрудник секции искусств Удмурдского НИИ В. А. Пчельников¹. Собранные материалы хранятся в коллекции Фонограммархива Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (далее — ИРЛИ). В числе двухсот семнадцати номеров в двух удмуртских коллекциях есть три уникальных образца бортнических заклинаний напевно-декламационного характера, записанные В. А. Пчельниковым в Селтинском и Увинском районах Удмуртии². Важным дополнением к имеющимся звукозаписям становятся хранящиеся в Фо-

¹ Об этих экспедициях см.: *Денисов В. Н.* К 80-летию участия М. П. Петрова в фольклорной экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР // Ежегодник финно-угорских исследований / Удмуртский государственный университет. 2017. Т. 11, № 3. С. 50–57.

² Архивные данные звукозаписей по фондам Фонограммархива ИРЛИ: № 4385.02 — запись от Прозорова Семена (32 года) из д. Иткулат Селтинского р-на УАССР. Дата записи 05.06.1937; № 4388.04 — запись от Березиной Анастасии (25 лет) из д. Селты Селтинского р-на УАССР. Дата записи 06.06.1937; № 4393.02 — запись от Рябчикова Григория (60 лет) из д. Силья Увинского р-на УАССР. Дата записи 08.06.1937.

нограммархиве ИРЛИ черновые и беловые варианты расшифровок напевов и текстов бортнического фольклора:

- а) два варианта нотации бортнического напева «Дун-дун»³;
- б) поэтические тексты бортнических заклинаний «Дун-дун»⁴ и «Жингыр, жингыр»⁵ в рукописной расшифровке В. А. Пчельникова (на удмуртском языке), а также в машинописном варианте⁶.

Поскольку фонографические записи 1937 года, сделанные на восковых валиках, при многократном воспроизведении потеряли свое первоначальное качество, то осуществление современной нотной транскрипции стало возможным благодаря выполненным в 1930-е годы нотациям и расшифровкам поэтических текстов.

Образцы бортнических заклинаний по идеологическим причинам не могли быть включены в сборник «Удмуртские народные песни», готовившийся к публикации в конце 1930-х годов. Несмотря на это, во всех вариантах аналитической статьи Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд оставили краткие комментарии к этим формам (названия статьи менялись: в 1939 году она была озаглавлена «Замечания об удмуртской народной песне»; в 1941-м — «К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни»). В статье 1941 года представлен фрагмент нотной записи образца бортнического заклинания «Дун-дун»⁷. В таком же виде, в качестве примера в аналитической статье, образец был опубликован спустя почти 50 лет — в 1989 году, когда сборник «Удмуртские народные песни» был издан благодаря усилиям исследователей Т. Г. Владыкиной, М. Г. Хрущевой, Р. А. Чураковой⁸.

На сегодняшний день область бортнического фольклора является недостаточно изученной. Единственная работа, посвященная бортническому фольклору удмуртов, — статья Р. А. Чураковой «Бортничьи песни в удмуртской фольклорной традиции»⁹.

³ Первоначальная нотация З. В. Эвальд: Фонограммархив ИРЛИ. РФ. П. 29в. № 89; нотация с правкой Е. В. Гиппиуса: Фонограммархив ИРЛИ. РФ. П. 29д. Л. 480. № 1.

⁴ Фонограммархив ИРЛИ. РФ. П. 29г. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 3.

⁶ Фонограммархив ИРЛИ. РФ. П. 29аб № 81.

⁷ Записанно В. А. Пчельниковым в д. Силья Увинского района УАССР от Рябчикова Григория (60 лет).

⁸ Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. Удмуртские народные песни: тексты и исследования. Ижевск, 1989. С. 15–16, 24.

⁹ Р. А. Чуракова представляет и анализирует материалы последних экспедиций — современные образцы бортнических песен, зафиксированные в Алнашском, Малопургинском, Можгинском, Кизнерском, Киясовском, Увинском районах Удмуртии в 1980–1990-х го-

При характеристике жанров бортнического фольклора исследователи опираются на народную терминологию и учитывают функциональное значение различных образцов. Рассматриваемые примеры из коллекции Фонограммархива ИРЛИ, записанные в Селтинском и Увинском районах Удмуртии, определены собирателем В. А. Пчельниковым в заголовках поэтических текстов как *Муш ётен* («Призыв пчел») и *Мушан* («Ловля пчел») ¹⁰. Р. А. Чуракова отмечает, что на других территориях исполнители именуют бортнический фольклор иначе: *Муш утен гур* («Напев сохранения пчел») или *Муш гур* («Пчелиная песня»). Опираясь на научные принципы жанровой группировки, Р. А. Чуракова выделяет два вида бортнического фольклора: 1) песни, исполняемые на пчеловодческих праздниках, 2) песни-заклинания, обращенные к пчелам в период их роения ¹¹.

Суммирование всех сведений по бортническому фольклору удмуртов позволяет дать историческую оценку имеющемуся материалу и представить более полную систему жанров. Р. А. Чуракова и И. М. Нуриева обнаруживают в ней черты как раннего в историко-стилевом отношении непесенного фольклора, так и сформировавшиеся позднее, развитые в мелодическом и композиционном отношении песенные формы. Обозначим следующие возможные наименования жанров бортнического фольклора:

- заклинания напевно-декламационного характера;
- песни-заклинания;
- песни с родовыми напевами ¹²;
- песни с необрядовыми напевами.

К архаичным пластам фольклора удмуртские исследователи относят бортнические заклинания напевно-декламационного характера. По мнению М. Г. Хрущевой, они близки к молитвам-*куриськонам* ¹³. К этой груп-

дах. Они соотнесены с ранее опубликованными поэтическим текстом, приведенным Б. Мункачи, и образцом из рассматриваемой коллекции. См.: Чуракова Р. А. Бортничьи песни в удмуртской фольклорной традиции // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях. Ижевск, 2002. С. 124–174.

¹⁰ Фонограммархив ИРЛИ. РФ. П. 29г. Л. 3, 24.

¹¹ Чуракова Р. А. Бортничьи песни в удмуртской фольклорной традиции. С. 128.

¹² На сегодняшний день нет устоявшегося определения термина «родовые напевы». Как правило, исследователи обозначают им напевы, выступающие музыкальным маркером конкретного рода-*воришуда*. *Воришуд*, как отмечает М. Г. Атаманов, имеет несколько значений: 1) семейно-родовое божество; 2) его конкретное изображение, воплощенное в идоле и символическом знаке *дэндор*, носимом на груди; 3) экзогамное объединение родственников, имеющих одного покровителя, предка-родоначальника. Об этом см.: Атаманов М. Г. Удмуртская ономастика. Ижевск, 1988. С. 23.

¹³ См.: Хрущева М. Г. Удмуртская обрядовая песенность. М., 2001. С. 50

пе принадлежат образцы бортнических заклинаний № 4385.02, 4388.04, 4393.02 из коллекции В. А. Пчельникова.

Представленные в работе Р. А. Чураковой образцы бортнических песен-заклинаний¹⁴ близки к первой группе, но уже более устойчивы в структурном плане, поэтому мы их выделяем в самостоятельную группу, занимающую промежуточное положение между заклинаниями декламационно-напевного характера и песнями.

К раннему историко-стилевому слою принято относить бортнические песни, исполняемые на родовые напевы. К этой группе принадлежат опубликованные Р. А. Чураковой обрядовые песни, исполняемые на бортнических праздниках¹⁵. По мнению Р. А. Чураковой, бортнические песни этой группы «не имели приуроченных напевов» и исполнялись «на мелодии местных традиционных песен *вось гур* (песни моления) или *акашка гур* (песня праздника плуга)»¹⁶. Напевы этих песен связаны с поклонением своему родовому божеству, поэтические тексты имеют повествовательно-описательный характер.

К последней группе относятся бортнические песни с необрядовыми напевами. В поэтических текстах частично сохраняются знаки, указывающие на их магические функции (звукоподражания, завуалированное именование пчел), но исполняются они на более поздние песенные напевы. Это бортнические песни, которые звучат во время уборки ульев на зимовку и весеннего выноса ульев; они приводятся в приложении к работе Р. А. Чураковой¹⁷.

В гранках аналитической статьи (около 1939 года) Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд используют по отношению к записям 1937 года определение «бортнические песни», не фокусируя внимание на декламационной манере их исполнения, но дают сходную историческую оценку. По мнению авторов, бортнические песни являются «ценнейшими в историческом отношении образцами», относящимися к «раннему историческому типу производственных песен»¹⁸. В текстах бортнического фольклора, по комментариям авторов, сочетаются поэтические мотивы, описывающие действие пчеловода, и заклинательные призывы пчел, звукоподражания «дун-дун», «жингыр-жингыр».

¹⁴ См.: Чуракова Р. А. Бортничьи песни в удмуртской фольклорной традиции. С. 150, 157–165, 167, 168. Примеры № 6, 12–15, 17.

¹⁵ Примеры № 2, 7, 10, 18. См. там же. С. 141, 151, 156.

¹⁶ Чуракова Р. А. Бортничьи песни в удмуртской фольклорной традиции. С. 129.

¹⁷ См.: Чуракова Р. А. Бортничьи песни в удмуртской фольклорной традиции. С. 146, 148, 155, 157, 166. Примеры № 4, 5, 9, 12, 16.

¹⁸ Фонограммархив ИРЛИ. РФ. П. 29е. Л. 157, 158. Вариант статьи, сохранившийся в гранках, был опубликован лишь в 1989 году, после редактуры, выполненной Е. В. Гиппиусом.

Исходя из приведенных в статье Р. А. Чураковой сведений, можно сделать вывод о том, что бортнические заклинания напевно-декламационного характера, как и песни-заклинания, исполнялись весной и ранним летом, а также во время начала роения пчел. Эти заклинания были направлены на призыв пчел и обращение к рою (или матке); таким образом бортник стремился воздействовать на пчел ритмом, звуком, словом, не позволяя рою улететь далеко¹⁹. Имя пчелы, к которой обращались, «табуировалось, подменялось различными иносказаниями, чтобы не спугнуть ее, чтобы сделать дело незаметным для чужого глаза»²⁰.

Записанные В. А. Пчельниковым образцы бортнического фольклора позволяют выявить закономерности построения поэтических текстов, которые непосредственно связаны с контекстом и складываются в момент исполнения. Несмотря на то что текст каждый раз создается заново, в основе содержания заклинаний лежат устойчивые поэтические мотивы, которые в процессе исполнения комбинируются.

В таблице (см. Приложение 2, табл. 1) представлены поэтические мотивы, выявленные на основе сравнительного анализа содержания текстов бортнических заклинаний: 1) мотив — звукоподражание гудению пчелы; 2) мотив отлета/прилета пчелы в улей; 3) мотив полета пчелы, поиска медоноса; 4) мотив обращения/призыва пчел/роя²¹.

Мотивы 1–3 можно определить как универсальные, свойственные всем образцам бортнического фольклора. Мотив 4 оказывается типичным только для образцов заклинательного характера, исполняемых непосредственно во время роения пчел. Устойчиво повторяемые в обращениях к пчелам призывные фразы и глаголы императивного наклонения указывают на их магическую направленность.

Для характеристики композиционной структуры поэтических текстов бортнических заклинаний обратимся к особенностям удмуртского народного стихосложения и строфообразования. Л. Д. Айтуганова, изучая такие древние жанры устно-поэтического творчества удмуртов, как заговоры и молитвы-*куруськоны*, относит их к речитативному виду фольклорного стиха, где элементы поэтической речи находятся еще в стадии зарождения, а ритмически организующим началом выступают «разнообразные виды повторов» (анафора, эпифора, повтор целых строк с некоторыми вариациями или синтаксический параллелизм)²². Исследователь-

¹⁹ Чуракова Р. А. Бортничьи песни в удмуртской фольклорной традиции. С. 128–130.

²⁰ Там же. С. 131.

²¹ Аналогичные мотивы содержатся в публикации: Чуракова Р. А. Бортничьи песни в удмуртской фольклорной традиции. С. 124–174.

²² Айтуганова Л. Д. Удмуртское стихосложение. Ижевск, 1992. С. 22.

ница отмечает, что «тексты заговоров делятся на несколько однотипных по строению синтаксических групп». Это синтаксические периоды, состоящие из двух (главного и придаточного предложений) или трех смысловых единиц (вводная — описательная часть; основная — условие; заключение — возможное получение результата)²³. Айтуганова приходит к выводу, что «ритмической единицей заговорного стиха» является «интонационная группа, имеющая смысловую завершенность и представляющая собой часть синтаксического периода»²⁴. В организации молитв-*куриськонов* структурными единицами являются также «интонационные группы, представляющие собой предложения или части предложений», которые объединяются в более протяженные интонационные группы, состоящие из неопределенного количества таких единиц²⁵.

Приведенные выше характеристики древних форм удмуртского фольклорного стиха находят подтверждение в композиции поэтического текста бортнических заклинаний. Внутри одного синтаксического периода взаимосвязь простых и сложных предложений в большинстве случаев осуществляется на основе повторов, анафор и эпифор.

Текст разделяется на синтаксические периоды (или строфы-тирады). Периоды представляют собой простые, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения. Части предложения образуют синтаксические звенья (см. Приложение 2, табл. 2), которые играют главную роль в смысловом членении поэтического текста²⁶. Поскольку в заклинаниях напевно-декламационного характера поэтический текст неотделим от музыкального, то в процессе исполнения наблюдается непосредственное их согласование.

По мнению М. Г. Хрущевой, в бортнических песнях, так же как и в удмуртских *куриськонах* (молитвах), поэтическая строфа выстраивается благодаря «внутреннему ритму вербального текста», который «служит основой для интонирования»²⁷. Этот принцип внутренней организации свидетельствует о синкретизме поэтической и музыкальной организации заклинаний, в которых ни один из компонентов не может существовать самостоятельно.

²³ Там же. С. 23.

²⁴ Там же. С. 24.

²⁵ Там же. С. 28.

²⁶ В нотных расшифровках в Приложении границы между синтаксическими звеньями обозначены одинарными, а между синтаксическими периодами (строфами) — двойными косыми чертами.

²⁷ См.: Хрущева М. Г. Удмуртская обрядовая песенность. М., 2001. С. 50.

Заклинания напевно-декламационного характера могут различаться по содержанию и особенностям строения поэтического текста, но в музыкально-стилевом отношении обнаруживают сходство, что обусловлено их функционально-смысловым единством.

Общность рассматриваемых бортнических заклинательных напевов обнаруживается на следующих уровнях:

- исключительно сольное исполнение с опорой на напевно-декламационный принцип интонирования;
- интонационный контур обусловлен характером речевой интонации;
- ритмическая организация основана на комбинировании кратких ритмических формул.

Рассмотрим более детально композиционно-ритмические и интонационно-ладовые особенности бортнических заклинаний напевно-декламационного характера.

Для понимания особенностей музыкально-поэтической структуры необходимо пояснить некоторые закономерности удмуртского языка. В нем, как отмечает М. Г. Хрущева, изменение формы слова ведет к увеличению количества слогов, что в свою очередь влияет «на акцентуацию — ударение оказывается „скользящим“»²⁸. Эта особенность важна «для понимания системы музыкально-ритмических формул», поскольку для удмуртской песенной традиции «подвижность элементов системы есть ее характерное свойство»²⁹. Исследовательница выделяет три системы акцентуации: 1) морфологическую; 2) речевую; 3) художественную, имеющую в большей мере музыкальную природу, нежели речевую³⁰. Она приходит к выводу о том, что в песенных и допесенных формах фольклора могут действовать одновременно различные системы акцентуации.

В бортнических заклинаниях, имеющих напевно-декламационную форму, так же как и в речитативных молитвах-*куриськонах*, сочетаются две системы акцентуации: морфологическая и речевая. Но прослеживается и влияние системы акцентуации, которую исследователь называет художественной.

Морфологическая акцентуация проявляется в двух- и трехсложных слоговых группах (*ил. 1*). Как правило, в двухсложных группах долгая длительность совпадает с ударением в слове, однако динамический акцент чаще всего падает на предупредную, короткую длительность. В трехслож-

²⁸ Хрущева М. Г. Удмуртская обрядовая песенность. М., 2001. С. 60.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 61.

ных группах при долготе и ударности последнего слога динамический акцент падает на второй слог, и возникает эффект встречного ритма³¹, благодаря которому на первый план выступает художественная функция и проявляется самостоятельность музыкального ритма относительно поэтического. Сочетание этих двух- и трехсложных групп в процессе развертывания формы создает необычное завораживающее впечатление, что придает звучанию магический характер.

Речевая акцентуация проявляется в выделении долготой акцентов в словосочетаниях/фразах. Группы с речевой акцентуацией тождественны с интонационными группами, которые лежат в основе синтаксических звеньев (ил. 2).

Ил. 1. Морфологическая акцентуация

Ил. 2. Речевая акцентуация в словосочетаниях/фразах

Особенности ритмической организации бортнических заклинаний, как и других ранних форм музыкального фольклора удмуртов, обусловлены взаимодействием различных систем акцентуации.

Строки поэтического текста разбиваются на два или три ритмо-синтаксических звена — трех-, четырех- или пятислоговые (реже шестислоговые) слогоритмические группы, протяженность которых колеблется в пределах от 6 до 8 единиц музыкального времени. В целом слогочислительный состав строки охватывает от пяти до десяти слогов³², протяженность строки варьируется от двенадцати- или четырнадцативременного периода (двухчленные строки) до двадцатиодного- — двадцатидвухвременного периода (трехчленные строки). Количество акцентов в поэтической строке зачастую зависит от количества слов, в некоторых словах

³¹ См.: Ручьевская Е. А. О соотношении слова и мелодии в русской камерно-вокальной музыке начала XX века // Е. А. Ручьевская. Работы разных лет: Сб. статей: В 2 т. СПб., 2011. Т. 2. О вокальной музыке. С. 58.

³² Например: 6 (3+3); 7 (4+3) / (3+4); 8 (4+4) / (5+3); 9 (3+3+3); 10 (4+6).

может возникать несколько акцентов (см. Приложение 2, табл. 3, 4). В шестисложных слогоритмических группах, складывающихся из двух трехсложных ритмических групп, содержится два акцента, в семи- и восьмисложных образуются три акцента, в девяти- и десятисложных группах количество акцентов может варьироваться от трех до пяти.

В большинстве строк наблюдается свободное сочетание различных ритмических формул (в зависимости от количества слогов в поэтической строке). В каждом образце можно выделить несколько слогоритмических формул, включающих от трех до шести слогов и соответствующих слову или словосочетанию, которые неоднократно встречаются на протяжении всего заклинания, но не имеют структурной закреплённости. Важно отметить, что в заклинаниях, записанных от различных исполнителей, некоторые призывные, магические фразы (*пононэ та шоры* — «пчелы, сюда», *жынгыр-жынгыр карыса* — «делая жингыр-жингыр», *маке со утчало* — «что-нибудь поищем» и др.) имеют сходные шести- и семисложные ритмические формулы, соответствующие строкам поэтического текста (ил. 3).

Ил. 3. Общие для заклинаний слогоритмические формулы магического значения³³.

В бортнических заклинаниях выявляются ритмосинтаксические звенья зачинные, серединные/развивающие и завершающие, которые на протяжении всего заклинания подвержены варьированию, но остаются узнаваемыми. Зачинные и завершающие звенья состоят, как правило, из одной строки поэтического текста. Серединное звено является самым нестабильным, и в него может входить от одного до нескольких строк поэтического текста (и соответственно интонационных групп) (см. Приложение 2, табл. 5). Все три звена, представленные в таблице, мобильны (особенно серединное), но в зачинных и завершающих звеньях наблю-

³³ Бортническое заклинание «Дун-дун» № 4393.02: строки шестая и десятая.

дается бóльшая ритмическая устойчивость, которая обусловлена определенным интонационным контуром.

Интонационно-ладовая структура бортнических заклинаний в связи с декламационной природой жанра еще не устоялась. В основе этих древних непесенных форм лежат как простые ладовые структуры, так и сложные, образованные в результате сопоставления двух простых.

К группе напевов с простой ладовой структурой относятся два образца бортнических заклинаний напевно-декламационного характера, развивающиеся в терцовой ладовой ячейке с опорой на нижней ступени, — д. Иткулат, д. Селты. Звукоряд заклинаний нетемперированный, в нем терцовый тон может изменяться то в сторону повышения, то — понижения (ил. 4). Характер исполнения исследуемых заклинаний близок к речи на одном тоне. По мнению ученых, терцовые напевы сформировались в период праудмуртской общности и обладают магической функцией³⁴.

Ил. 4. Звукоряд заклинаний

Как отмечалось выше, общность бортнических заклинаний напевно-декламационного характера проявляется на уровне композиционных функций частей напева. В строфах, включающих от двух до пяти строк текста, выделяются мелодические звенья (интонационные группы), которые, так же как и ритмические, имеют определенную функциональную нагрузку. По особенностям звуковысотного контура можно определить зачинное, срединное/развивающее и завершающее звенья (в каждом звене реализуется основная интонация, характерная для определенной части структуры строфы). Благодаря соединению этих звеньев на музыкально-поэтическом уровне формируется строфа-тирада.

Анализ композиционно-ладовой организации образцов бортнических заклинаний показал, что границы интонационных групп не всегда совпадают с границами синтаксических звеньев (частей предложения) поэтического текста (ил. 5, 6). В бортническом заклинании из д. Иткулат

³⁴ М. Г. Хрущева выделяет три группы узкообъемных напевов, относящихся к раннетрадиционному мелодическому пласту: 1. Больше-терцовые; 2. Квартовые: а) ангемитонные; б) диатонические, но с ангемитонной основой; 3. Квинтовые: а) ангемитонные; б) диатонические. Эти звукоряды, по мнению автора, являются основой для импровизаций в определенной обрядовой ситуации. См.: Хрущева М. Г. Удмуртская обрядовая песенность. С. 64–68.

среднее музыкальное звено на последнем слове предложения переходит в завершающее; цезура в этой стыковочной части нестабильна.

Ил. 5. Бортническое заклинание, д. Иткулат № 4385.02. Интонационные группы ³⁵

Ил. 6. Бортническое заклинание, д. Селты № 4388.04. Интонационные группы

В бортнических заклинаниях напевно-декламационного характера при общей свободе построения строфы-тирады наблюдаются принципы общей трехчленной организации. Трехчленность проявляется как на ритмическом уровне, так и на интонационно-ладовом. В строфе отчетливо выделяются три раздела, в рамках которых интонационные группы выполняют определенные функции (см.: *ил. 7* и *Приложение 2, табл. 6*).

Сложную ладо-интонационную организацию имеет образец бортнического заклинания, записанный в д. Силья Увинского района УАССР. Напев имеет контрастно-составную, двухчастную композицию, поскольку первая строфа отличается в ладовом отношении от последующих. Сравним ладо-интонационные контуры разделов напева (*ил. 8*). В первой строфе бортнического заклинания мелодический контур развивается в рамках пентакорда в сексте (*G-A-H-d-e*) с главной опорой лада

³⁵ Все нотации, приведенные в тексте, выполнены автором статьи.

В целом интонационная структура строфы заклинаний, имеющая сложно-ладовую организацию, состоит из трех функциональных мелодических звеньев, которые складываются из интонационных групп ³⁶ (ил. 9). Границы интонационных групп не всегда совпадают с границами поэтических строк.

Музыкальный фрагмент, иллюстрирующий интонационную структуру строфы заклинаний. Он состоит из трех функциональных мелодических звеньев: **Зачинное звено**, **Серединное звено** и **Завершающее звено**. Музыкальная запись включает ноты и соответствующие им слова на русском языке.

Ил. 9. Бортниковское заклинание д. Силья № 4393.02. Функциональные мелодические звенья

Сопоставление приведенных выше схем ладо-мелодического строения позволяет судить о единстве принципов интонационного развития бортниковских заклинаний:

- а) зачинное мелодическое звено включает восходящее движение (терцовое сопоставление или движение по звукам трихорда в кварте), за исключением последнего образца (нисходящая терция);
- б) серединное/развивающее мелодическое звено основано на неоднократном сопоставлении двух тонов звукоряда (большесекундовое или терцовое сопоставление);
- в) завершающее мелодическое звено либо сразу утверждает главный опорный тон лада, либо включает нисходящее движение к опорному тону.

³⁶ Количество интонационных групп в строфе насчитывает от трех до пяти.

Записи, выполненные в 1937 году В. А. Пчельниковым (их современная расшифровка дана в *Приложении 1*), являются не только самыми ранними примерами удмуртского бортнического фольклора, но и единственными в настоящее время фонозаписями *заклинаний напевно-декламационного характера*. Результаты сравнительного анализа позволяют подтвердить замечания Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд о природе и близости бортнических заклинаний и песен с эпическими жанрами народов Сибири. Записи из удмуртской коллекции 1937 года дополняют материалы, опубликованные Р. А. Чураковой, которые расширяют сведения о бортническом фольклоре удмуртов, а также позволяют уточнить жанровую классификацию и раскрыть поэтические и музыкально-стилевые особенности бортнических заклинаний.

Анализ напевов подтверждает положение о сплаве обрядово-магических и повествовательных интонаций в группе заклинаний напевно-декламационного характера. Связь с повествовательными жанрами проявляется и на уровне композиции. Бортнические заклинания имеют подвижную трехчленную структуру строфы-тирады, основанную на свободном соединении интонационных групп (звеньев). Интонирование текста ограничено в большинстве случаев узкообъемным амбитусом (терция, кварта). Ритмические структуры базируются на устойчивых формулах, нередко связанных с определенными особо значимыми (магическими) словами или словосочетаниями. Интонационно-ладовые закономерности бортнических заклинаний напевно-декламационного характера выполняют формообразующую функцию и обладают большей устойчивостью, по сравнению с закономерностями ритмической организации. В связи с этим бортнические заклинания обнаруживают сходство с древними жанрами удмуртского фольклора и по типу интонирования оказываются переходной формой от молитв-*куриськонов* к собственно песенным образцам³⁷.

Сохранившиеся расшифровки поэтических текстов и напевов заклинаний и песен являются бесценными для удмуртской фольклористики. Так как со временем звукозаписи, сделанные почти девяносто лет назад, теряют свое качество, благодаря оставленным нотациям и текстам мы сегодня имеем возможность восстановить утерянную информацию.

³⁷ М. Г. Хрущева оценивает тексты бортнических песен как переходные от непесенных жанров (загадок, заговоров и молитв) к раннетрадиционному песенному слою удмуртского фольклора, собственно обрядовым песням. Исследовательница отмечает, что в заклинаниях прослеживается тесная связь с особенностями вербального текста и происходит постепенная кристаллизация музыкально-поэтических средств, которые послужат базой для всего удмуртского фольклора. См. об этом: Хрущева М. Г. Удмуртская обрядовая песенность. С. 54–55.

Литература

1. *Айтуганова Л. Д.* Удмуртское стихосложение: Вопросы формирования и развития. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1992. 152 с.
2. *Атаманов М. Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск: Удмуртия, 1988. 168 с.
3. [Владыкина Т. Г., Хрущева М. Г., Чуракова Р. А.] От редколлегии // Гиппиус Е. В., Эвальд З. В. Удмуртские народные песни: тексты и исследования / Сост. и науч. ред. Е. В. Гиппиус. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. С. 7–9.
4. *Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.* Удмуртские народные песни: тексты и исследования / Сост. и науч. ред. Е. В. Гиппиус. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. 84 с. (Памятники культуры. Фольклорное наследие).
5. *Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.* К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Записки Удмурдского научно-исследовательского института истории: Вопросы языка, литературы и фольклора. Ижевск: Удмуртгосиздат, 1941. Вып. 10. С. 61–88.
6. *Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.* К изучению поэтического и музыкального стиля удмуртской народной песни // Удмуртские народные песни: тексты и исследования / Сост. и науч. ред. Е. В. Гиппиус. Ижевск: УИИЯЛ УрО АН СССР, 1989. С. 10–33.
7. *Денисов В. Н.* К 80-летию участия М. П. Петрова в фольклорной экспедиции Института антропологии, археологии и этнографии АН СССР // Ежегодник финно-угорских исследований / Удмуртский государственный университет. 2017. Т. 11, № 3. С. 50–57.
8. *Ручьевская Е. А.* О соотношении слова и мелодии в русской камерно-вокальной музыке начала XX века // Е. А. Ручьевская. Работы разных лет: сб. статей: В 2 т. СПб.: Композитор • Санкт-Петербург, 2011. Т. 2: О вокальной музыке. С. 43–90.
9. *Хрущева М. Г.* Удмуртская обрядовая песенность. М.: Композитор, 2001. 248 с.
10. *Чуракова Р. А.* Бортничьи песни в удмуртской фольклорной традиции // Этномузыковедение Поволжья и Урала в ареальных исследованиях: сборник научных исследований / Сост. и отв. ред. И. М. Нуриева. Ижевск: УИИЯЛ УрОРАН, 2002. С. 124–174.

References

1. *Ajtuganova L. D.* Udmurtskoe stihoslozhenie: Voprosy formirovanija i razvitija [Udmurt Versification: The Questions of Formation and Development]. Izhevsk: Udmurtskij institut istorii, yazyka i literatury UrO AN SSSR [Udmurt institute of History, Language and Literature of the Academy of Sciences (Ural Branch) of the USSR], 1992. 152 p.
2. *Atamanov M. G.* Udmurtskaja onomastika [Udmurt Onomastics]. Izhevsk: Udmurtija [Udmurtia], 1988. 168 p.
3. *Churakova R. A.* Bortnich'i pesni v udmurtskoj fol'klornoj tradicii [Flight Songs in the Udmurt Folklore Tradition] // Etnomuzykovedenie Povolzh'ja i Urala v areal'nyh issledovanijah: sbornik nauchnyh issledovanij [Ethnomusicology of the Volga Region and the Urals in the Context of Regional Research: a Collection of Research Works] / Sost. i otv. red. I. M. Nurieva [Comp. and ed. by I. M. Nureyeva.]. Izhevsk: UdIIJaL UrORAN [Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Russian Academy of Sciences], 2002. P. 124–174.

4. Denisov V. N. K 80-letiyu uchastiya M. P. Petrova v fol'klornoy ekspeditsii instituta antropologii, arkhologii i etnografii AN SSSR [To the 80th Anniversary of the Participation of M. P. Petrov in the Folklore Expedition of the Institute of Anthropology, Archeology, and Ethnography of Academy of Sciences of the USSR] // Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy [Yearbook of Finno-Ugric Studies]. Izhevsk: Udmurtskiy universitet Publ., 2017. No. 3. P.50–57.
5. Gippius E. V., Eval'd Z. V. Udmurtskie narodnye pesni: teksty i issledovaniya [Udmurt Folk Songs: Texts and Research] / Sost. i nauch. red. E. V. Gippius [Comp. and ed. by E. V. Gippius]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO AN SSSR [Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Academy of Sciences (Ural Branch) of the USSR], 1989. 84 p. (Pamyatniki kul'tury. Fol'klornoe nasledie) [Cultural Monuments. Folklore Heritage].
6. Gippius E. V., Eval'd Z. V. K izucheniyu poeticheskogo i muzykal'nogo stilya udmurtskoy narodnoy pesni [For the Study of Poetic and Musical Style of Udmurt Folk Songs]. Zapiski Udm. NI: Voprosy yazyka, literatury i fol'klora [Notes of the Udmurt Research Institute: Regarding Questions of Language, Literature and Folklore]. Izhevsk, 1941. Release 10. P.61–88.
7. Gippius E. V., Eeval'd Z. V. K izucheniyu poeticheskogo i muzykal'nogo stilya udmurtskoy narodnoy pesni [To the Study of Poetic and Musical Style of Udmurt Folk Songs]. Udmurtskie narodnye pesni: teksty i issledovaniya [Udmurt Folk Songs: Texts and Research]. Izhevsk: Udmurtgosizdat, 1989. P.10–33.
8. Ruchëvskaja E. A. O sootnoshenii slova i melodii v russkoj kamerno-vokal'noj muzyke nachala XX veka [About the Relationship of Word and Melody in Russian Chamber Vocal Music of the Beginning of the 20th Century] // E. A. Ruchëvskaja. Raboty raznyh let: sb. statej: V 2 t. [Works Throughout Years: a Collection of Articles: In 2 Volumes]. SPb.: Kompozitor Saint Petersburg. [Composer St. Petersburg], 2011. V.2: O vokal'noj muzyke [On Vocal Music]. P.43–90.
9. Hrushcheva M. G. Udmurtskaja obrjadovaya pesennost' [Udmurt Ceremonial Song]. Moscow: Kompozitor [Composer], 2001. 248 p.
10. [Vladykina T. G., Hrushcheva M. G., Churakova R. A.] Ot redkollegii [From an Editorial Board] // Gippius E. V., Eval'd Z. V. Udmurtskie narodnye pesni: teksty i issledovaniya [Udmurt Folk Music: Texts and Research] / Sost. i nauch. red. E. V. Gippius [Comp. and ed. by E. V. Gippius]. Izhevsk: Udmurtskiy institut istorii, yazyka i literatury UrO AN SSSR [Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Academy of Sciences (Ural Branch) of the USSR], 1989. P.7–9.

Список сокращений

ИРЛИ — Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский Дом)
УАССР — Удмуртская Автономная Советская Социалистическая Республика
УдНИИ — Удмуртский научно-исследовательский институт
УДИИЯЛ УрОРАН — Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского
отделения РАН

Приложение 1

Современные расшифровки бортнического фольклора из коллекций Фонограммархива ИРЛИ № 141

1. Муш оген («Призыв пчел»)

Фонограммархив ИРЛИ, кол. № 141 ФВ № 4385.02. Ист. Прозоров Семен, 32 г, д. Сеткулат, Селтинский р-н, УАССР. Запись В. А. Пчельникова. Дата записи 05.06.1937. Нотация Е. А. Коротаевой

ль-мо - ке, сор-то - ке, бур-ло - ке, бу-бы-е-ны-ед, жин-гыр-жин-гыр ка-ры-са, лык-тйд-а, по-но-нэ.
 Ну-на - зе-ен-н(ы)ви-ис-кын, жы-та-зе-ен-н(ы)ви-ис-кын, ку-зе-дэ и-зем(е), кель-ты-са, по-но-нэ, та шо-ры, та шо-ры.
 Ду-но - да - но ве-рол - ня - ё-сы-ныд, дань-ясь-кы-лы-мон, мел-лу-оз, по-но-нэ та шо-ры.
 Жу-жыт пась-кыт гу-резь йаль-ёс-тйд, шул-ды-р(ы)че-бар(ы) писту йальёс тйд, жин-гыр-жин-гыр ка-ры-са,
 вет-лйд-а, по-но-нэ, та шо - ры.

Жингыр-жингыр карыса, лыктійды-а, пононэ³⁸.
 Лёймоке, сюртике, бурдоке, бубыеныд,
 Пононэ, та шоры, пононэ.

Нуназеен вискын, жытазеен вискын,
 Кузёда изем кельтыса,
 Пононэ, та шоры.

Дуно-дано веродняёсыныд
 Даньяськымон мед луод,
 Пононэ, та шоры.

Жужыт паськыт гурезь йылвёстїд,
 Шулдыр чебер писпу йылвёстїд,
 Жингыр, жингыр карыса, ветлїд-а,
 Пононэ, та шоры.

Делая жингыр-жингыр, прилетела ты, именуемая³⁹.
 [Неперводимые ласкательные прилагательные], с птахами,
 Именуемая, на это [сюда], именуемая.

Днем, вечером,
 Оставив хозяйина,
 Именуемая, на это [сюда].

Дорогими-известными рассказами,
 Горц ты пусть будешь,
 Именуемая, на это [сюда].

По высоким, широким верхушкам гор,
 По веселым, красивым верхушкам деревьев,
 Делая жингыр, жингыр, летала ли,
 Именуемая, на это [сюда].

³⁸ В данном и последующих образцах структура строфы поэтического текста отредактирована (по сравнению с расшифровкой собирателей), в связи с согласованием границ строк на мелодическом и поэтическом уровнях.

³⁹ Слово «пононэ» означает «названная». Имя пчелы табуировалось, чтобы не слезить, и напрямую не называлось.

2. Мушан («Ловля пчел»)
 Фонограммархив ИРЛИ, кол. № 141 ФВ № 4393.02. Исл.: Рябчиков Григорий, 60 л., д. Силья,
 Увинский р-н, УАССР. Запись В. А. Пчельникова. Дата записи 08.06.1937. Ногация Е. А. Корогаевой

♩ = 171

Дун-дун, дун-дун, дун-дун, пу-жы - мам ту-бись - ко мон, под-ма-ны ту - бись - ко мон.

Под-ма-ны ту-бись - ко, мушь-ё-сы лык-тэ а-ли тат-чы, жын-гыр - жын-гыр ка-ры - са.

Зеч ка - лыкь-ёс-лэсь вожь-ясь - кись-ко мон, лык-тэ а - ли быз-ге - ты - са,

мушь-ё - сы, жин-гыр - ты - са, лык(тэ) тат - чы мон.

Зеч ка-лыкь-ёс-лэсь вожь-ясь - кись-ко мон, мушь-ё - сы,

жин-гыр - ты-ре а-ли, быз-ге - ты - са тыт-чы, мушь-ё - сы.

Дун-дун, дун-дун, дун-дун,
Пужымам тубисько,
Подманы тубисько мон.

[Подманы тубисько],
Мушѣсы (мусоосы) лыктэ али татчы,
Жынгыр-жынгыр карыса.

Зеч калыкѣслэсь вожьяськисько мон,
Лыктэ али бызгетыса,
Мушѣсы,
Жингыртыса, лыктэ татчы мон.

Зеч калыкѣслэсь вожьяськисько мон,
Мушѣсы, жингыртыса пыре али,
[Жингыртыса пыре али.]
Бызгетыса тытчы, мушѣсы.

Дун-дун, дун-дун, дун-дун,
На сосну поднимаясь,
Бортничать поднимаясь я.

Бортничать поднимаясь,
Пчелы мои, прилетайте сейчас сюда,
Делая жингыр-жингыр.

Хорошим людям завидую я,
Прилетите сейчас, жужжа,
Пчелы,
Звеня, летите сюда ко мне.

Хорошим людям завидую я,
Пчелы, звеня, заходите сюда [в улей],
Звеня, заходите сейчас,
Жужжа, сюда, пчелы.

3. Ой, дой гинэ⁴⁰

Фонограммархив ИРЛИ, кол. № 141 ФВ № 4388.01. Исп.: Березина Анастасия, 25 л., д. Селгты, Селгинский р-н, УАССР. Запись: В. А. Пчельникова. Дата записи: 05.06.1937. Нотация Е. А. Коротаевой

♩ = 198

Ой, дой, ги - нэ шу - о - мы жон ги - нэ шу - о - мы

Муш му - ми - ез та - с возь - ма - сз жа - ди

та ве - ра - нэ мы - нам

шу - ом ук

⁴⁰ Поэтический текст практически не сохранился.

Приложение 2

Табл. 1. Основные поэтические мотивы бортнических песен и заклинаний

Поэтический мотив	Примеры	Номера образцов (во всех образцах)
1) мотив — звукоподражание гудению пчелы	<i>гур-гур, зинь-зинь, биз-биз, жин-жин</i> и др.	(во всех образцах)
2) мотив отлета/прилета пчелы в улей	<i>Нуназеген вискын, жытызеген вискын, Кузедэ изем кельтыса, пононэ, та шоры</i> «[Улетайте] и днем, и вечером, Оставляя спать своего хозяина».	№ 4385.02
3) мотив полета пчелы, поиска медоноса	<i>Жужыт, паскыт, гурезь йылъёстид, Шулдыр, чебер писпу йылъёстид.</i> «По высоким, широким вершинам горы, Веселым, красивым вершинам деревьев».	№ 4385.02
4) мотив обращения/призыва пчел/роя	<i>Льомоке, сюртоке, бурдоке, Лыктиды-а, пононэ.</i> «Пашка, прилетела, моя 'пчелка'». <i>Мушъёсы (мусоосы) лыктиз али татчы</i> «Мои пчелы, прилетите сейчас сюда».	№ 4385.02, 4393.02.

Табл. 2. Синтаксические звенья поэтического текста в бортническом заклинии
Жингыр-жингыр № 4385.02

Зачин деспричастный оборот + главное предложение	Развивающая часть дополнительная часть — определения/эпитеты к подлежащему	Заключительная часть дополнительная часть — призыв-императив
1. Жингыр-жингыр карыса, Лыктыды-а, пононэ,	Льомоке, сфортюке, бурдоке, Бубыныд,	Пононэ, та шоры, пононэ.
Делая жингыр-жингыр	(непереводимые ласкательные эпитеты) с родителями	‘Пчела, на это [лети], ‘пчела’
обстоятельства + главное предложение	дополнительная часть — деспричастный оборот	дополнительная часть — призыв-императив
2. Нуназеен вискын, Жытазеен вискын,	Куздэ изем кельтыса,	Пононэ, та шоры.
Днем, Вечером,	Своего хозяина оставив [ты летала],	‘пчела, на это [лети]
дополнительная часть — определение	главное предложение	дополнительная часть — призыв-императив
Дуно-дано веродняйсыйыд	Дангъяськымон мед луод,	Пононэ та шоры.
Дорогами, знаменитыми рассказами	знаменитым пусть будешь,	‘пчела, на это [лети]
дополнительная часть обстоятельства	главное предложение	дополнительная часть — призыв-императив
Жужыт паськыт гурезь йылгёстид, Шулдыр чебер писту йылгёстид,	Жингыр-жингыр карыса, ветлїд-а,	Пононэ, та шоры
По высоким, широким верхушкам гор, По веселым, красивым верхушкам деревьев,	Жужжа-жужжа, летала ты,	‘пчела, на это [лети]

Табл. 3. Слогоритмическая организация бортнических заклинаний Жингыр-жингыр, д. Иткулат № 4385.02 ⁴¹

Кол-во слов		Кол-во акцентов		Объём муз. врем. и кол-во слогов				
Жин.	гыр	жин.	гыр	гыр	жин.	3	3	13 (6+7) 7 (4+3) сл.
бур.	до-	Лык-	тйд	мо-	ке,	бу-	бы-	14 (7+7)
По-	но-	Льо-	мо-	мо-	ке,	бу-	бы-	6 (3+3) 6 (3+3)
	ке	бу-	бу-	бу-	ны-ед ⁴¹	бу-	бу-	13 (6+7) 7 (3+4)
	но-	та	шо-	шо-	ры	та	шо-	21 (7+7+7)
	нэ,	бу-	бу-	бу-	ры	та	шо-	9 (3+3+3)
	нэ,	та	на-	на-	зе-	ну-	ну-	13 (6+7)
		бу-	бу-	бу-	ен	ну-	ну-	7 (4+3)
		бу-	бу-	бу-	ен	ну-	ну-	12 (6+6)
		бу-	бу-	бу-	ен	ну-	ну-	7 (4+3)
		бу-	бу-	бу-	ен	ну-	ну-	12 (6+6)
		бу-	бу-	бу-	ен	ну-	ну-	6 (3+3)
		бу-	бу-	бу-	ен	ну-	ну-	22 (7+7+8)
		бу-	бу-	бу-	ен	ну-	ну-	9 (3+3+3)

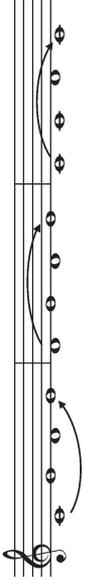
⁴¹ Пятигласная группа возникла в результате появления дифтонга.

Табл. 5. Ритмосинтаксические звенья бортнических заклинаний

Зачинные звенья	Серединные / развивающие звенья	Завершающие звенья
д. Иткулат № 4385.02		
Жин_гыр — жин_гыр ка_ры_са Ну_ на_зе_е_ны ви_ис_кын Жы_та_зе_е_ны ви_ис_кын	Лю_мо_ке спор_то_ке бур_до_ке бу_бы_е_ны_ед ку_зе_дэ и_зем_ме кель_ты_са	по_но_нэ та шо_ры по_но_нэ по_но_нэ та шо_ры по_но_нэ та шо_ры
Ду_но — да_но_ве_род_ня_е_сы_ныйд	Данъ_ясь_кы_лы_мон мед лу_од,	по_но_нэ та шо_ры
Жу_жыгт, пась_кыг гу_резь йылъ_ёс_тид, Шул_дыр че_ бер пис_пу йылъ_ёс_ тийд Жин_гыр, жин_гыр ка_ры_са, вет_ лийд_а,		по_но_нэ та шо_ры по_но_нэ та шо_ры по_но_нэ та шо_ры
д. Силья № 4393.02		
Пу_жы_мам ту_бись_ко мон под_ма_ны Зэч ка_лыкъ_ёс_лэсь вожъ_ясь_кись_ко мон, жин_гыр_ты_са пы_ре_а_ли	под_ма_ны ту_бись_ко мушъ_ё_сы лык_тэ а_ли тат_чы, лы_ктэ а_ли без_ге_ты_са, мушъ_ё_сы жин_гыр_ты_са пы_ре_а_ли	жын_гыр, жын_гыр ка_ры_са. жин_гыр_ты_са, лык_тат_чы мон. без_ге_ты_са тат_чы мушъ_ё_сы
д. Селты № 4388.014 ⁴²		
Ой, дой, шу_о_мы бен жон ги_нэ	[текст неразборчив. — Е. К.]	шу_ом ук

⁴² Рукописи поэтического текста в материалах Фонограммархива нет. Из-за плохо качества фонограммы расшифровать текст заклинания невозможно.

Табл. 6. Обобщенные ладо-интонационные контуры бортнических заклинаний (выделение функций композиционных звеньев).

Зачинное	Серединное/развивающее	Завершающее
а) д. Иткулаг 4385.02		
б) д. Селты № 4388.01		